

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вл. Георгиев. Проблемы минойского языка. — София, изд. Болгарской Акад. наук, 1953. 196 стр.

Новая книга выдающегося болгарского ученого акад. Вл. Георгиева «Проблемы минойского языка», изданная Болгарской Академией наук в 1953 г., представляет собой новый этап в развитии взглядов автора на разрабатываемый им более 15 лет вопрос о языке населения древней Греции и о. Крита во II тысячелетии до н. э., языке создателей высоко развитой культуры, называемой в науке «крито-микенской», или же «минойской» (для Крита), «элладской» (для континентальной Греции) и «кикладской» (для о-вов Эгейского моря). На этом этапе Вл. Георгиев отказывается от некоторых прежних своих точек зрения и выдвигает новые. В этом смысле работы Вл. Георгиева можно отчасти сравнить с шахматовскими работами по вопросу о расселении восточных славян и соотношении их племенных языков и позже наречий древнерусского языка: в каждой из них А. А. Шахматов выдвигал новые положения, частично отказываясь от старых, иногда возвращался к взглядам, временно им оставленным. Если бы рецензируемая книга была только подведением итогов прежних исследований Вл. Георгиева, можно было бы подвергнуть ее разбору, не обращаясь к его более ранним работам. Поскольку же эта книга является новым этапом, обещающим дальнейшую эволюцию взглядов ученого, необходимо рассматривать ее в связи с его предыдущими работами.

Уже в своих работах 30-х годов, общую концепцию которых («догреческий» язык как «праиллирийский» или «фрако-иллирийский») Вл. Георгиев давно не отступает, ему удалось прийти к интересным и ценным выводам: ряд слов древнегреческого языка, не имевших индоевропейских этимологий и считавшихся неиндоевропейскими по своему происхождению, был определен как слова индоевропейские, но не греческие. Были установлены некоторые фонетические соответствия, которые объединяли довольно большую группу слов и позволили рассматривать эти слова и слова бесспорно греческие как результат разных изменений одного и того же индоевропейского корня. Для фонетического строя этого негреческого индоевропейского языка в древней Греции, который Вл. Георгиев называл тогда «иллирийским» и из которого греки, по его мнению, заимствовали ряд слов, были определены следующие черты, отличающие данный язык от древнегреческого: 1) и.-е. $\tilde{o} > \tilde{a}$ (в конечных слогах $\tilde{o} > \tilde{y}$); 2) и.-е. $*\tilde{r} > i$ (или e очень закрытое); 3) и.-е. $*oi > *ai > a$; 4) и.-е. $*ou > au$; 5) и.-е. $*r, *l, *n, *m >$ сочетания $ar, ra, ara, or, ro, oro, ur, ru, ir, ri$ и подобные им с другими сонорными (т. е. al, la, ala и т. д.); 6) «сатемизация», т. е. переход индоевропейских среднебных $*k, *g$ в спиранты; 7) делябиализация заднебных лабиализованных $*k^u, *g^u$; 8) «передвижение согласных» германского типа, но с сохранением без изменения старых индоевропейских глухих аспират (т. е. звонкие аспираты изменились в чистые звонкие, чистые звонкие — в чистые глухие; чистые глухие — в глухие аспираты, совпавшие со старыми глухими аспиратами)¹.

Многое, конечно, здесь еще оставалось неясным, особенно в пунктах 5 и 8: судьба индоевропейских слоговых сонорных оказывалась чрезвычайно разнообразной, а «передвижение согласных», напоминавшее графическое выражение древнегреческих взрывных согласных в кипрском слоговом письме, не обладало той четкостью, какою оно характеризуется в германских языках (и е р в о е «передвижение»), хотя и не оставляло того впечатления полного хаоса, которое дают нам в этом вопросе памятники клинописного хеттского (неситского) языка².

¹ См. Vл. Georgiev, Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache, Teil I, «Годишник на Софийския университет, Ист.-фил. фак-т», кн. XXXIII, 4, София, 1936, Kapitel 4 — «Griechische Lehnwörter aus dem Uililryrischen» (стр. 66—108).

² См. вступительную статью А. Десницкой «О хеттском языке» к «Краткой грамматике хеттского языка» И. Фридриха (М., 1952, стр. 34) и § 21 самой грамматики (стр. 48).

Гипотеза об «иллирийских» элементах в древнегреческих диалектах в настоящее время может считаться уже прочно установленным положением, если не требовать уточнения термина «иллирийский» и понимать под ним какую-то иную (негреческую) «ветвь» индоевропейских языков, представители которой попали в Среднюю Грецию и Пелопоннес вместе с носителями северо-западных греческих диалектов в процессе так называемого «дорийского вторжения» XIII—XI вв. до н. э. О негреческих, но бесспорно индоевропейских по языку этнических элементах, появившихся в это время в Греции, говорят и многие факты материальной культуры, религии и мифологии и говорят более убедительно, чем подтасованные факты, которые в работах «ученых» фашистской Германии должны были аргументировать якобы «северное» происхождение самих греков и их генетическую близость к германцам. Однако к языку носителей минойско-микенской культуры III—II тысячелетий до н. э. эти элементы не могли иметь никакого отношения. Это очень скоро понял сам Вл. Георгиев, решительно отказавшийся от гипотезы об «иллирийской» или «фрако-иллирийской» принадлежности «минойцев» и «микенцев»³.

Здесь можно указать и на то, что приведенные выше фонетические черты, отличающие слова, заимствованные греками из другого, неизвестного нам индоевропейского языка, никак не совпадают с чертами «иллирийских» языков, кроме перехода * $\delta > \alpha$, характерного для мессапского языка в Южной Италии и собственно иллирийской топонимики (на северо-западе Балканского полуострова), но не характерного для венецкого. «Передвижение согласных» также отсутствует в венецком языке, а в мессапском можно отметить лишь недостаточно четкое различие звонких и глухих. Таким образом, в вопросе о роли негреческих элементов в древнегреческом языке еще много неясного. Не подвергнута эта проблема и с черни в а ю щ е й систематической разработке пока и Вл. Георгиевым.

Такая систематическая разработка требует того, чтобы полученные результаты исследований были сопоставлены: 1) с данными других индоевропейских языков, включая реликты фракийского, иллирийского и венецкого; 2) с бесспорными и результатами расшифровки минойских слов; 3) с археологическими данными, относящимися как к минойскому (элладскому), так и раннегреческому времени; 4) с данными истории религии и мифологии.

Только тогда можно будет делать более или менее решительные выводы о распределении негреческого, но индоевропейского элемента в древнегреческом языке между «догреческим» слоем и слоем, связанным с эпохой так называемого «дорийского вторжения». (О мнении Вл. Георгиева, что только в эту эпоху греки появились на юге Балканского полуострова, см. ниже.)

Параллельно со своими разсуждениями о негреческих индоевропейских элементах в древнегреческом языке Вл. Георгиев приступил к самостоятельной расшифровке линейного минойского письма, существовавшего и на о. Крите, и в континентальной Греции в двух вариантах (А и Б). Расшифровка велась им как при помощи использования знаков кипрского слогового алфавита, так и комбинаторным способом. Частично используя достижения других ученых (например, Сундвалля, Карателли и др.), Вл. Георгиев и в отравных точках своего исследования, и в выводах резко разошелся с проф. Б. Грозным, также производившим опыты расшифровки минойского письма, оказавшиеся совершенно неудачными⁴.

Мы считаем, что в этом вопросе именно Вл. Георгиеву удалось добиться решающих успехов и создать основу для дальнейших исследований и что вся последующая разработка этого вопроса должна исходить из достигнутых им результатов и заключаться в уточнении, детализации и дополнении сделанных реконструкций (если это позволит материал) в тех частях, которые самому Вл. Георгиеву кажутся еще не окончательными.

Ключ расшифровки найден, как это было в определенный момент в истории расшифровки шумерско-вавилонской клинописи, хотя поправки к толкованию отдельных клинописных знаков имели место и после, вплоть до наших дней.

По нашему мнению, так же бесспорны выводы Вл. Георгиева об общей минойской основе финикийского и древнейшего греческого алфавитов, изложенные им в статье «Происхождение алфавита»⁵, хотя следовало бы более решительно (не в виде вопроса, как это сделано на стр. 82 этой статьи) подчеркнуть, что древнейшие греческие фонетические алфавиты, возникнув самостоятельно на минойской основе из слоговых алфавитов типа кипрского и карийского, должны были подвергнуться влиянию родственного

³ Кроме того, как бы ни были скудны остатки фракийских языков и каким бы туманным ни оставалось понятие «иллирийских» языков, можно решительно утверждать, что никакого близкого родства между этими двумя группами не было.

⁴ См. С. Я. Лурье, «Догреческие надписи Крита», «Вестник древней истории», М.—Л., 1947, № 4, стр. 70—87.

⁵ Вл. Георгиев, «Происхождение алфавита», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 48—83.

по происхождению финикийского письма в эпоху значительного финикийского влияния на экономику и культуру Греции (IX—VIII вв. до н. э.)⁶. Вл. Георгиев признает (стр. 81—82) роль финикийского влияния только в унификации древнегреческих письменных систем. Но эта унификация, как известно, началась много позже, когда финикийское влияние потеряло уже всякое значение, а завершилась лишь к IV в. до н. э. на основе принятия ионийского алфавита в Афинах.

Мы не будем в настоящей рецензии специально останавливаться на этой стороне работ Вл. Георгиева, тем более, что и рецензируемая книга называется «Проблемы минойского языка». К рассмотрению этих проблем Вл. Георгиев шел и от своих более ранних исследований по негреческим элементам в древнегреческой лексике, и от расшифровки минойской письменности. Работа по расшифровке минойской письменности привела его, с одной стороны, к выводу о том, что язык создателей минойской культуры III—II тысячелетий до н. э. был индоевропейским языком, а с другой стороны, к выводу, что носители так называемой позднемикенской культуры в континентальной Греции не были греками по языку и что первыми греками были дорийцы, появившиеся не ранее XII в. до н. э. Оба эти вывода шли вразрез с общепринятой научной традицией, так как в исторической, археологической, историко-мифологической и лингвистической литературе уже лет 30—40 господствует мнение (разделяемое и пишущим эти строки⁷), что первые греческие племена появились в Греции в конце III — начале II тысячелетия до н. э., что микенская культура на континенте есть результат усвоения греками многих элементов неиндоевропейской минойской культуры⁸, что Крит завоеван греками-ахейцами около 1400 г. до н. э., что героический эпос, лежащий в основе гомеровских поэм, создан греками, но греками микенской (додорийской) эпохи.

Совершенно иными являются выводы, намеченные уже в двухтомном лингвистическом исследовании Вл. Георгиева «Vorgriechische Sprachwissenschaft»⁹, где негреческие, но индоевропейские элементы древнегреческого языка окончательно приурочены к «догреческому» населению Греции и дана развернутая критика всех научных работ, начиная с конца XIX в., в которых «догреческое» население считалось неиндоевропейским по языку. Полная четкость придана этим выводам в заключительном разделе книги «Le déchiffrement des inscriptions minoennes» и в статье «État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques»¹⁰, где выдвигается новая гипотеза, сближающая язык ахейцев (Abhijawa хеттских источников) на греческом континенте с языком хеттских иероглифических надписей, который Вл. Георгиев называет «данайским», исходя из тождества ахейцев и данайцев у Гомера, и с языком филистимлян в Палестине¹¹.

Все выводы Вл. Георгиева, касающиеся разных сторон проблемы этнической и языковой принадлежности носителей минойской культуры на Крите и микенской культуры в Греции, связаны между собой и представляют собою единую систему научных взглядов. Так как принять эту систему в целом мы не считаем возможным, ее необходимо расчленить на части. Как было указано, бесспорными элементами этой системы мы считаем: 1) принципы расшифровки минойской письменности и, следовательно, установленное на ее основе звучание минойских слов; 2) минойское происхождение древнегреческого письма. Проблематичным в этой системе является утверждение об индоевропейском характере минойского (критского) языка, хотя это утверждение и

⁶ Финикийское культурное влияние на Грецию в раннеисторический период, которое очень переоценивалось историками XIX в. (начиная с Э. Курдиуса) и в отдельных работах XX в. (прежде всего, у В. Берара), в последнее время многими совершенно неосновательно недооценивается и сводится почти к нулю.

⁷ См. написанные нами первые две главы в «Истории греческой литературы», т. I (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 13—41 и 66—70) и посвященную почти целиком этому вопросу диссертацию «Исследования в области древнегреческой литературы и языка» (М., 1946).

⁸ Некоторые ученые допускают существование на континенте отдельных минойских (критских) «сколоний».

⁹ Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Sofia, 1941—1945.

¹⁰ Vl. Georgiev, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, Sofia, 1949 и его же, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asiatiques, «Archiv Orientalni», vol. XVII, pars 1, Praha, 1949, стр. 275—287.

¹¹ Весьма вероятную принадлежность хеттского иероглифического языка к группе «satem» Вл. Георгиев не принимает во внимание. Между тем единственным достоверным словом, проникшим в греческий язык в древнейшую эпоху из языка группы «satem» (вероятнее всего, из фракийского), является σῖτος, σῖτα «хлеб», «пища» (и.е. *k^uēi-, хотя слав. жито, др.-прусск. geytus, geits «хлеб» и кимр. bwyd «пища» указывают на индоевропейский корень *g^uei-, к которому восходят слав. жито, лит. gyvas, лат. civus, греч. βίος и т. д.).

принимается без колебания некоторыми советскими лингвистами (А. В. Десницкая, С. Б. Бернштейн¹²). Противоречащим всей научной традиции и не имеющим серьезного обоснования является тезис о том, что греческий язык появился в Греции впервые только с дорийскими завоевателями, хотя достоверно известно, что Аттика совсем не подвергалась дорийскому завоеванию, в Фессалии и Беотии дорийский элемент в языке и культуре отразился очень поверхностно¹³, в Аркадии его нет совсем, а в Мессении он появился лишь в исторический период из Спарты (Мессенские войны); нет его совсем и в малоазийской Ионии и Эолии, чье культурное влияние на континентальную Грецию в VII—VI вв. в соединении с местными (тоже не полностью «доризованными») традициями и создало классическую эллинскую цивилизацию — родоначальницу всех европейских цивилизаций. Наконец, ничем не обоснованным домыслом является гипотеза о связи или даже тождестве «ахейцев-данайцев» с «иероглифическими хеттами».

Критическому разбору исторической концепции Вл. Георгиева, для которой, между прочим, характерен недостаточный учет новейшей археологической литературы¹⁴, мы предполагаем посвятить особую статью. В лингвистическом журнале нет возможности достаточно глубоко рассмотреть эту проблему. Пока можно отослать читателей к статье акад. А. И. Тюменева, где используется вся соответствующая новейшая литература¹⁵. Поэтому мы будем в дальнейшем касаться только вопроса об индоевропейском характере минойского языка и о его отношении к древнегреческому языку.

В книге «Le déchiffrement des inscriptions minoennes» в главе «Общий характер минойского языка» Вл. Георгиев устанавливал следующие фонетические черты этого индоевропейского языка: 1) отпадение всех конечных согласных, кроме, может быть, *r* и *s*; 2) монофтонгизация дифтонгов, аналогичная клинописному хеттскому языку, причем дифтонги с *i* дали *ē* или *i*, а дифтонги с *e* дали *ō* или *ū*; 3) группы согласных *kt*, *pt*, *st* дали *t*, как в критском диалекте древнегреческого языка, где это явление возводится Вл. Георгиевым к минойскому субстрату; 4) другие группы согласных в начале слова получили энентетическое гласное приращение.

О других чертах языка, представленного греческими индоевропейскими словами в греческом языке, о которых говорил раньше Вл. Георгиев и которые мы перечислили в начале нашей рецензии, здесь не упоминается, так как вывести их из расшифрованных минойских слов нельзя, да и графика, не различающая звонких и глухих, простых и придыхательных согласных, не дает возможности делать заключение о каком-либо «передвижении согласных».

Однако одновременно с этим в упомянутой статье «État actuel des recherches et coordination du travail...» Вл. Георгиев, говоря о догреческом (préhellenique) «апельсактическом» языке, указывает следующие его фонетические черты: 1) и.-е. **o* > *ā*; 2) и.-е. **r* > *ur* или *ri* и т. п.; 3) «передвижение согласных»; 4) и.-е. **k* > *s* или *ḥ* и т. д. (т. е., очевидно, и и.-е. **g*, **gh* > *z* или *d*? — В. Г.); 5) лабиализация индоевропейских лабиовеларных **k^u*, **g^u*; 6) сохранение начального (перед гласным) и интервокального *s*; 7) диссимилятивная дзаспирация. «Передвижение» согласных указано вновь и в рецензируемой книге (стр. 81).

Исходя из этого, Вл. Георгиев установил (еще раньше — в «Vorgriechische Sprachwissenschaft») ряд совершенно бесспорных собственно греческих и негреческих

¹² См. А. В. Десницкая, Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 4, стр. 42 (автором признается только возможность дальнейших уточнений); С. Б. Бернштейн, Новое о языке минойских надписей (по поводу работ проф. Вл. Георгиева), «Известия АН СССР. Отд. лингв. и языка», М.—Л., 1951, вып. 2, стр. 198—200 (автор безоговорочно признает основной тезис и развивает его в сторону особых связей со славянскими языками).

¹³ См.: О. Hoffmann, De mixtis Graecae linguae dialectis, Göttingen, 1888; S. adé, De Boeotiae titulum dialecto, Halle, 1906. См. также статью Ф. Сольмсен о фессалийском диалекте (F. Solmsen, Thessalios and Pelasgioties, «Rheinisches Museum für Philologie», N. F., Bd. LVIII, Heft 4, Frankfurt a. M., 1903, стр. 598—623) и его дополнения к исследованию Сада (там же, Bd. 59, стр. 481 и сл.); см. его же, Zur griechischen Verbalflexion, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. XXXIX, N. F., Bd. XIX, Heft 2, Gütersloh, 1904, стр. 213 и сл.

¹⁴ Это ясно и из самого содержания его последних работ (появившихся после «Vorgriechische Sprachwissenschaft»), и из библиографии и ссылок в «Проблемах минойского языка», где указаны только обобщающие труды, написанные для неспециалистов и значительно уже устаревшие (например, книга Пендльберги). Ранее Вл. Георгиев недостаточно критически относился к односторонним выводам археолога Херли.

¹⁵ А. И. Тюменев, К вопросу об этногенезе греческого народа, «Вестник древней истории», М., 1953, № 4, стр. 19—46. См. особенно стр. 23—25 и 31—32.

(но индоевропейских) дублетов: заимств. *túrannos* — эол. *κάραννος* (аттич. *κάρῃνος*), заимств. *τύς* — *ός* и т. п., а также (еще в довоенных работах) ряд заимствованных слов, обнаруживающих ту же фонетику (*τύρσις*, *πυργός*, *βόρσα* и т. д.) и не имеющих собственно греческих дублетов¹⁶.

Выявление приведенных фактов давно уже признано заслугой Вл. Георгиева, но толкование их как «догреческих» общепризнанным не стало. Укажем также, что те семь фонетических черт, которые приводились в статье «État actuel des recherches...», никак не связаны с чертами, указанными в книге «Le déchiffrement...», и не находят себе никакого подтверждения в фонетике расшифрованных минойских слов. Одновременно следует отметить, что эти слова частично связаны с предполагаемой фонетической характеристикой тех «иллирийских» или «иллиро-венетских» языков, о которых говорилось выше и элементы которых могли попасть в Грецию именно в XIII—XI вв. до н. э. Но тогда встает вопрос: причем здесь догреческий («пеластический») язык (*langue préhellénique*)? Кроме того, древнегреческому языку ни одна из фонетических черт, приведенных в статье «État actuel des recherches...», не свойственна; не свойственны они даже критскому диалекту, фонетика которого, как следует предполагать, испытала наибольшее воздействие минойского субстрата. Это следует иметь в виду в дальнейшем при анализе совершенно новых утверждений Вл. Георгиева, выдвинутых им впервые в рецензируемой книге, — утверждений о большой близости «догреческого» индоевропейского языка к древнегреческому, к его аркадско-кипрскому и критскому диалектам (кстати сказать, очень далеким друг от друга).

С другой стороны, и признаки, выявленные на основе расшифровки минойских слов и приведенные в книге «Le déchiffrement...», не позволяют считать эти слова словами греческого языка, так как во всех древнегреческих диалектах: 1) сохранилось конечное *s*, а конечное и.-е. **m* давало *n*; 2) дифтонги сохранялись очень долго (еще в классический период, а некоторые — вплоть до новогреческого языка); 3) названные группы согласных сохранились (кроме критского диалекта); 4) в начале слова происходило иное упрощение групп согласных (например: *sm > m*, *pt > p* и т. д.), а эпентетические гласные возникали как раз перед одиночными согласными [ср. лат. *dens* — греч. *δδούς* (*δδουτ-*); лат. *liber* — греч. *ἐλεύθερος*; лат. *centum* — греч. *ἐκατόν* и т. п.].

При этих условиях близость фонетического строя древнегреческого языка к минойскому могла сводиться только к тем явлениям, которые были унаследованы обоими языками от языка-основы без изменений.

Появляется в рецензируемой книге (стр. 14—15) и новая точка зрения, которая кажется нам внутренне противоречивой. С одной стороны, минойский язык Вл. Георгиев относит к группе «эгейско-малоазийских» индоевропейских языков, хотя ни одной черты, характерной, например, для хеттского (неситского) языка (например, сохранения ларингального, перехода *s* в *š*, перехода в определенных случаях *t* в *z*, *e* в *a*, чередования *e* : *a* и т. д.), в нем не отмечается¹⁷. С другой стороны, Вл. Георгиев пишет: «Догреческий язык оказал большое влияние на греческий. Следовательно, минойский язык очень похож на греческий не только потому, что оба языка принадлежат к индоевропейской группе и засвидетельствованы еще в глубокой древности, но особенно в связи с тем, что греческий язык по причине оказанного на него влияния значительно приблизился к догреческому» (стр. 14). После того как указано, что в минойском и греческом совершенно различна судьба индоевропейских лабовелярных *k^u*, *g^u*, *gh^u* (в минойском они во всяком случае делабиализовались, а может быть, затем *g^u*, *gh^u* подверглись оглушению), говорится: «Однако это обстоятельство не исключает возможности, что микенское население континентальной Греции говорило на греческом языке. Прежде всего, письменным языком мог быть минойский, несмотря на то, что большинство местных жителей (коренных или пришлых) — В. Г.) говорило по-гречески. Кроме того, можно допустить, что микенские надписи написаны на старинном (?) греческом диалекте, содержащем весьма значительный догреческий субстрат. Наконец, можно даже предположить, что и киосские надписи XV века написаны на том же старинном греческом (критском) диалекте» (стр. 15).

¹⁶ Некоторые дублеты, выдвинувшиеся Вл. Георгиевым в 30-х годах, менее ясны семантически и иногда осложняются еще различием словообразовательных элементов, что требует дополнительного сравнительно-исторического анализа, например: *ἀρχω* «управляю» — *ἀρχίω* «удерживаю»; *χαλινός* «уздечка» — *καλώς* «канат»; *ταβίαις* «домоправитель» — *δῶμος* «дом»; *ἔλπος* «масло» (у Гесихия) — *ἔλφος* и т. д. Иногда негреческий характер слова выводился Вл. Георгиевым из сопоставления с другими языками, например: *μάχομαι* — лат. *mactō*; *παρθένος* — арм. *harsn* (из и.-е. **por-ken-*; в слове Бузакка: *παρ-θίνος* из и.-е. *g^uhen*; ср. *εὐ-θην-εια*) и т. п.

¹⁷ Мы не говорим об отсутствии в хеттском языке четкого противопоставления глухих и звонких, простых и придыхательных согласных, так как это явление может быть отнесено, как и в кипрском диалекте греческого языка, только к графике.

Следовательно, от прежней точки зрения, которой Вл. Георгиев придерживался до 1949 г., он решительно отказывается и допускает, что греки и греческий язык были в Греции и до «дорийского вторжения» и ахейцы были греками. Этот отказ следует только приветствовать; но на каком основании можно предполагать, что вся Греция говорила на критском диалекте (т. е. с сильным минойским субстратом), если потом следы этого «весьма значительного» субстрата (в фонетике) исчезли как в доризованных, так и во всех других диалектах континента. Позже, в период письменных памятников, одному только критскому диалекту свойственны (кроме общедорийских черт) такие явления, как переход $\epsilon\upsilon$ в $\omicron\upsilon$, ρ в λ , λ в ν , различные явления метатезы, отсутствия диссимилляции ($\theta\theta$, $\delta\delta$ и т. п.), отсутствия дезассимирации (например: $\theta\iota\theta\eta\mu\iota$). Все эти особенности вытекают из сложных местных условий взаимодействия греческих диалектов с догреческим языком (вернее, языками) и наславания дорийского диалекта на ранее распространенный здесь ахейский диалект («аркадско-кипрского» типа), особенности которого, не свойственные другим дорийским говорам (например, сохранение группы $\upsilon\epsilon$), отмечаются и на Крите. Развитие этих особенностей, определяемое двойным взаимодействием субстратов (догреческого по отношению к ахейскому в XIV—XIII вв. до н. э. и осложненного ахейского по отношению к дорийскому в самом конце I тысячелетия до н. э.), в значительной степени выяснено в работах Р. Мейстера, А. Тумба, Эд. Швицера и др.¹⁸ Оно вызвано сложностью процессов этнических скреплений на острове и устойчивостью отдельных языков и диалектов, продолжавших обособленное существование, что отмечено знаменитым местом о Крите в «Одиссее» (XIX, 172—177), известным и Вл. Георгиеву¹⁹, в котором утверждается существование там пяти народностей (ахейцев, этеокритян, кидонов, дорийцев, пеласгов)²⁰. Сходные сложные условия наблюдались в отдельных случаях и в других местах Греции, например в Элиде, где, несмотря на раннее вторжение северо-западных греческих племен из Этолии, ахейский языковой элемент (особенно на юге, в Трифилии) оказался настолько устойчив, в частности в словоизменительных аффиксах²¹, что долгое время элидский диалект причисляли не к дорийской группе, а к эолийской, несмотря на ряд общедорийских черт ($\tau\iota$ вместо $\sigma\iota$, $\sigma\iota$ вместо $\omicron\iota$ и т. п.) и черт сходства именно с лаконским говором²².

Процессы образования древнегреческих диалектов на протяжении огромного промежутка времени (от середины II до начала I тысячелетия до н. э.) исключительно сложны и запутаны, но наука давно уже начала здесь кое-что распутывать. Картина, нарисованная в «Археологии» Фукидида (если исключить его наивную веру в реальность греко-тройской войны), находит себе во многом подтверждение в современной лингвистической и археологической науке и в историческом анализе греческих мифов, культов, мифологических родословных и топонимии²³. Соотношение отдельных древнегреческих диалектов в части их греческой основы, исходу победившей в процессах скрепления, в значительной степени уже установлено наукой. На очереди стоит задача выяснения различных слоев негреческих индоевропейских элементов в

¹⁸ См. в особенности: R. Meister, Dorer und Achäer, Teil I («Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der k. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. XXIV, № 3), Leipzig, 1904; A. Thumb, Griechische Dialektforschung und Stammesgeschichte, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», Bd. XV, Leipzig, 1905, стр. 385—399. Ср. также рец. III в и ц е р а на кн. Мейстера «Indogermanische Forschungen», Bd. XVIII, стр. 46—51).

¹⁹ Ср.: V. I. Georgiev, Le déchiffrement des inscriptions minoennes, стр. 44; его же, История Эгейского мира..., «Вестник древней истории», М.—Л., 1950, № 4, стр. 67—68.

²⁰ Если даже допускать, что первоначальный текст «Одиссеи» относится ко времени до дорийского вторжения на Крит и в нем упоминалось лишь о трех народностях, а стих 177-й о дорянах и пеласагах (с новым типом противопоставления при помощи частицы $\tau\epsilon$) интерполирован поздним редактором, знавшим только дорян, уже слившихся с ахейцами, и обособленную массу негреческого населения, всюду получившего уже название «пеласгов» независимо от своего происхождения, — все равно факт долгого этнического обособления подтверждается.

²¹ Окончание $-\mu\epsilon\upsilon\varsigma$ (пз $*-\mu\eta\varsigma$) в исторических временах медиопассива; дат. падеж мн.ч. числа на $-\epsilon\sigma\sigma\iota$ и многое другое, а также конъюнктивы с $-\alpha$ (вместо $-\eta$), наличие атематических форм, соответствующих аттическим *verba contracta* и т. п.

²² Неоточные черты элидского диалекта (например, переход исконного обшгреч. δ в α : $\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\alpha = \rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\alpha$) объясняют как «илиризм». См. Н. Krahe, Illyrisches, «Glotta», Bd. XXII, Göttingen, 1933, стр. 122—127.

²³ См. в особенности работы: M. P. Nilsson, The Mycenaean origin of Greek mythology, Berkeley, California, 1932 и J. L. Myres, Who were the Greeks? Berkeley, California, 1930. См. также отчасти G. Thomson, Studies in ancient Greek society, 1949 и нашу рецензию на эту книгу («Вестник древней истории», М.—Л., 1950, № 4, стр. 106—113).

древнегреческом языке и хронологизация этих слоев, а также проблема отношения общегреческих языковых черт (особенно в лексике) к другим индоевропейским языкам (процесс сложения общегреческого языка-основы) в соотношении с развитием археологических культур придунайских областей, северной части Балканского полуострова, Македонии, Фессалии и Эпира.

Вл. Георгиев, даже отказавшись от своего невероятного предположения, что греки в больших массах появились на юге Балканского полуострова только в процессе «дорийского вторжения», а небольшими группами участвовали уже в «тройанской войне» (в которую болгарский ученый верит так же упорно, как Фукидид)²⁴, и теперь еще, с одной стороны, представляет себе все эти процессы крайне упрощенно и схематически (ср. приведенные выше цитаты), а с другой стороны, преувеличивает неразработанность этих вопросов в науке, заходя иногда слишком далеко в своем отрицании положительных результатов предыдущих исследований, допуская (пусть даже ошибочно), что создатели минойской культуры не были индоевропейцами по языку (ср. обзор этих исследований в первом томе «Vorgriechische Sprachwissenschaft»).

Существенным недочетом рецензируемой книги является и показанное нами выше на конкретных примерах не вполне точное представление об особенностях отдельных древнегреческих диалектов. Только в результате такого неточного представления могло возникнуть следующее утверждение: «Чтобы понять критско-микенские надписи, мы должны использовать особенности критского и аркадско-кипрского диалектов» (стр. 15). Мы еще раз повторяем, что критский диалект в том виде, в каком мы его знаем по надписям, начиная с VIII в. до н. э., сложился в результате сложного развития (на ахейском субстрате) лишь после захвата Крита дорийцами, который мог иметь место не раньше XI в. до н. э. (а может быть, и значительно позже). Что же касается аркадско-кипрского (ахейского в своей основе) диалекта, то и мы полагаем, что его данные могли бы нам помочь в чтении и толковании надписей линейным письмом Б на коинтенте (и даже на Крите, но не ранее XIV в. до н. э.), если это письмо действительно применялось ахейцами-греками (не «ахейцами-данайцами», говорившими якобы на языке группы «*satem*», близком к иероглифическому хеттскому и филистимскому²⁵) к греческому языку. Что отдельные случаи такого применения были, показывает Асинская надпись на сосуде, датированная XI в. до н. э. и блестяще расшифрованная при помощи того же метода, которым пользуется и Вл. Георгиев, А. Перссоном и Ив. Линдквистом²⁶. В этой надписи перечисляются нереиды Лимнория, Ианасса, Кимб вместе с Посейдоном что представляет совпадение с гомеровским текстом («Илиада», XVIII, 39—49), где нереиды утешают свою сестру Фетиду. В последней строке надписи читается: *φι*

²⁴ См. Вл. Георгиев, указ. соч., стр. 65—66. Мы не можем останавливаться здесь на этом важном и для предмета исследований Вл. Георгиева вопросе. Укажем в самой общей форме, что археология ясно показывает нам такое ослабление ахейского союза уже во второй половине XIII в. до н. э. (утра господства на море вследствие появления «морских народов» и начало сухопутных вторжений с севера, для чего всюду возводятся укрепления, расширяются площади крепостей, строятся зернохранилища для осады), что ни о какой обьединенной заморской экспедиции нельзя было и думать. Распад внутренних экономических и политических связей даже внутри Пелопоннеса ясен из того, что почти полное единство керамического стиля в первой половине XIII в. до н. э. сменяется уже с середины века широким развитием местных стилей. Некоторые археологи подчеркивают, что начало политического распада ахейского союза с середины XIII в. до н. э. явствует также из того, что при беспорядочном спешном укреплении отдельных центров не проводилось никаких оборонительных мероприятий общегреческого значения (укрепление Истма, горных проходов).

²⁵ Спор о «сатемном» характере иероглифического хеттского языка и его отношении к клинописному хеттскому перерос в теоретический спор о значении отдельных изгослов для решения вопроса о степени родства языков, что имеет значение и для проблемы отношения древнегреческого языка к тем языкам, которые Вл. Георгиев называет «эгео-азиатическими». См. полемику по этому вопросу с участием Дж. Бонфанте, И. Гельба, А. Герге и В. М. Остина в журналах «Journal of American Oriental Society» и «American Journal of Philology», 1944—1946 гг.

²⁶ См.: A. W. Persson, Die spätmykenische Inschrift aus Asine, «Corolla archaeologica» («Skrifter utgivna av Svenska Institutet i Rom», II), Lund, 1932, стр. 208—215; егo же, Schrift und Sprache in Alt-Kreta, Uppsala, 1930; J. Lindqvist, A propos d'une inscription de la fin de la période mycénienne, «Humanistiska Vetenskapssamfundet.—Årsberättelse», Lund, 1930—1931, стр. 111—128. Работы Перссона и Линдквиста упоминаются Вл. Георгиевым в «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (т. I, стр. 43—44), но никакого решающего значения показаниям Асинской надписи он, повидимому, не придает. Остается поэтому неясным, согласен ли Вл. Георгиев с расшифровкой и призывает ли он текст Асинской надписи греческим или нет.

ἐθηκε με τις (или μ'εθηκε), т. е. «вам поставил меня (т. е. сосуд), изготовив (буквально: «изготовил»)», а предпоследняя строка является гекзаметром (Παράνασσα τε καὶ Κυρίη Πατοῦδαρον ἐστὶ), который не мог не существовать уже в микенскую эпоху, и дает нам форму ἐστί, из которой закономерно (с заменительным растяжением) развилась классическая форма ἐστὶ. Это — настоящий греческий язык, не обнаруживающий какого-либо воздействия минойского субстрата в своей фонетике. И существовал он в Аргολиде, в главном очаге микенской культуры, до вторжения туда дорийцев.

Когда Блеген накануне второй мировой войны открыл в Пилосе (в Мессении, где, как мы указывали выше, ахейцы держались, повидимому, очень долго) огромное количество табличек с надписями линейным письмом В, можно было, исходя из чтения Асинской надписи, рассчитывать, что расшифровка даст нам греческие тексты приблизительно такой же давности или хотя бы (если тексты относятся к более позднему времени, X — VIII вв. до н. э.) пополнит наши сведения о континентальном ахейском диалекте, сохраненном лишь в очень поздних надписях Акрадии. Однако надежды эти, повидимому, не оправдаются. Во всяком случае, текст пилосской надписи Sn 14, расшифровка и чтение которой составляет содержание четвертой главы рецензируемой книги, дает нам не греческий, а иной индоевропейский язык, характеризующийся теми фонетическими соответствиями, которые Вл. Георгиев устанавливает между «минойским» и древнегреческими языками (Vakena — 'Πακνος; 'Atemake — 'Αντιμαχός; tãvetiãna — δαῖδων; ðerũva — δῆρως; akusape — 'αχουσα и др.). Какие из этого следует сделать выводы — пока сказать трудно. Уточнение дат закрепления ахейцев-греков в Мессении остается проблемой, которую должны совместно разрабатывать лингвисты и археологи на основе согласования факта негреческого характера пилосских текстов с выяснившейся уже при раскопках в районе горного плато Мальты (предполагаемое место гомеровского Дориона. Ср. «Илиада», II, 594) стратиграфией археологических «культур» бронзового века в Мессении²⁷. Возможно, однако, и то, что в этой (северо-западной) части Мессении, ограниченной горными краями, сохранилось и в микенский период негреческое население, не связанное с Пилосом²⁸.

Убедительным и обоснованным мы считаем установление Вл. Георгиевым большого числа идеограмм, сохранившихся в слоговом линейном минойском письме, хотя, конечно, отдельные исправления могут в дальнейшем иметь место. Мы согласны, что эти идеограммы «значительно облегчают интерпретацию минойских надписей» (стр. 26), но лишь со стороны содержания, что очень важно для историков, но ничего не дает лингвистам. Аналогичное положение мы находим, например, и в хеттской клинописи. Таким образом, нет надежды узнать, как звучал ряд слов, принадлежащих к основному словарному фонду минойского языка: «мужчина», «женщина», «бык» (корова), «мелкий скот» (греч. μῆλον), «свинья»²⁹, «лошадь», «ячмень», «пшеница», «полба» (греч. ζεῖα — единственный злак, название которого в европейских языках имеет индо-иранские соответствия), «шафран», «мак», «кинжал», «кнул», «весы» и др. А многие из этих слов играли важную роль в установлении и уточнении генетических связей между индоевропейскими языками. Лишь в некоторых случаях Вл. Георгиев гниотетически (по принципу акрофонии) восстанавливает звучание слова, обозначавшегося идеограммой (tu — «вино», но и «фига», ðe — «колесо», pa — «белый») ³⁰.

Свой лингвистический анализ Вл. Георгиев начинает с анализа собственных имен — имен божеств и географических названий, чаще всего встречающихся в минойских текстах, которые в огромной своей части представляют собою посвященные (вотивные) надписи. Он устанавливает существование женского божества «земля-мать», которое обозначалось звуковым комплексом *Tako*, имевшим формы *Takune*, *Takona*, *Øekune*, *Tükuna*, *Tikonalo* и т. д. Ближайшее соответствие этому слову мы находим в хеттском *tekan* (род. падеж *tagnäs*) «земля». Вл. Георгиев возводит «минойское» и хеттское слово вместе с др.-греч. χθών и фригийск. ὄδα «земля» к индоевропейскому корню **dhēghom* с чередованием коренного гласного ē: a: нуль, отраженным в различных формах минойского слова, где аблаут еще имел функцию словоизменения.

²⁷ См. M. N. Valmin, The Swedish Messenia expedition [(«Skrifter utgivna av konungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund», XXVI), Lund, 1938] и подробное изложение этой книги в статье Б. Богаевского «Мальта-Дорион (Поселение эгейского периода в западной Мессении)», («Вестник древней истории», М., 1939, № 4, стр. 125—133). Объяснение смены пяти культурных периодов в Дорионе самим Вальмином научно несостоятельно, так как предполагает появление «греков» в Пелопоннесе уже в неолитическую эпоху.

²⁸ Об особенностях ареала распространения микенской культуры в Мессении см. М. Р. Nilsson, указ. соч., стр. 79—86.

²⁹ Раньше Вл. Георгиев, исходя из перехода начального и.е. *s в придыхание в греческом языке, считал «догреческим» слово σῶς, в противоположность собственному греческому дублету ὤς.

³⁰ См. Вл. Георгиев, Происхождение алфавита.

В др.-греч. ὑδών мы имеем нулевую ступень чередования с метатезой (*ǵhǵhōm). Эта же нулевая ступень присутствует, по мнению Вл. Георгиева, в первой части имени Δημήτηρ, если древнейшими считать эолийские формы Δαμιάτηρ, Δωμιάτηρ. Очевидно, здесь надо видеть упрощение *ǵhǵh в *dh, и Δαμιάτηρ считать негреческим дублетом к Γῆ μήτηρ, Γαῖα μήτηρ, заимствованием из языка, где и.-е. *dh дало d. Но всего этого автор не говорит, и поэтому его изложение остается не вполне ясным. Таких неясностей на протяжении всей книги немало.

Минойскому *Warūna*, точно соответствующему древнеиндийскому *Varuṇa* «бог ночного неба», соответствует др.-греч. Οὐρανός; словам *Patēna*, *Palāna* — др.-греч. πότις. Сходство в этих двух случаях бесспорное. Бесспорно также соответствие *Pulana*, *Pulane* — Α'πόλλων, поскольку оно подтверждается ликийским *Pulen*, а ликийское происхождение Аполлона давно уже установлено на основании самых разнообразных фактов. Более сомнительно сходство там, где греческими соответствиями являются имена второстепенных божеств, не игравших никакой роли в культе, например *Atēto* — Ἀνθήδω «имя греческой нимфы» (в комплексах *atūtū* и *phatētū* Вл. Георгиев видит формы того же слова). Но ведь нимфа Анфедо во всей древнегреческой письменности упоминается всего один раз у Павсания (IX, 22, 5) как эпоним беотийского города Анфедона на Эвриппе, упоминаемого уже в «Илиаде» (II, 508). Может быть, возникновение города и его название и относится к минойскому времени (археологически это пока не подтверждено)⁸¹, но нимфа-то могла появиться только в позднем этиологическом мифе, характерном для эпохи эллинизма. Такие сопоставления могут только подорвать доверие к эвристическим приемам автора, дать основание понимать их как стремление во что бы то ни стало отыскать какое-нибудь греческое соответствие.

Случай с нимфой города Анфедона далеко не единственный. Непосредственно за ним (стр. 26) следует сопоставление слов *Rotūne*, *Rotū* с греч. Ῥοδῖνι от Ῥοδῖος «розовый», «из роз», с эпитетом Афродиты Ῥοδέη и даже с гомеровским постоянным эпитетом Ἑὸς Ῥοδοδάκτυλος «розоперстая». Далее же слова *Papee*, *Pape*, *Papera* сопоставляются с эпитетом Афродиты — Παφία, который, как известно, происходит от названия города Пафа (Πάφος) на Кипре, где, по мифу, Афродита родилась из пены морской (позднегреческий эвфемизм), почему она называется также Кипридой (Κυπρίς). Слово Ῥόδον «роза» — негреческое. А. Мейе включает его и лат. *rosa* вместе с *oleum* — ὀλεῖν и *oleum* — oleum в число слов, заимствованных из «средиземноморского субстрата» (неиндоевропейского в его понимании) самостоятельно несколькими индоевропейскими языками. Возможно, что оно является минойским и что *Rotūne*, *Rotū* с ним связаны, а следовательно, и первая часть эпитета Ῥοδοδάκτυλος восходит к тому же корню. Но из этого никак не следует, что приложение к Афродите эпитета Ῥοδέη дает нам основание находить самое Афродиту в догреческом эгейском мире. Многими десятилетия исследований по мифологии и истории религии доказано восточное происхождение этого греческого божества, представляющего собою разновидность переднеазиатской Иштары, возникшую относительно поздно именно в районе Сирийского побережья и Кипра и оттуда пришедшую в Грецию. Паф на Кипре и был сделан в мифе местом чудесного рождения Афродиты, так как был, очевидно, древнейшим местом ее культа, но сделан тогда, когда минойская культура и ее линейное письмо уже прекратили свое существование. Поэтому и *Papee* нельзя никак связывать с Афродитой. Скорее всего и *Rotūne* (в 28 текстах), и *Papee* (в 24 текстах) обозначали какие-то популярные на Крите божества, которые может быть и были восприняты греками, но слились с другими и приняли их имена, как это часто случается в истории усвоения чужих культов и как это много раз имело место у греков и римлян (ср. судьбу греческих богов в Италии, египетских и малоазиатских — в эллинистических государствах и в Римской империи, наконец, судьбу самого диктейского Зевса, получившего индоевропейское имя).

Совершенно иное дело — сопоставление минойского *Tūrana* с этрусской Туран (стр. 27), действительно соответствующей Афродите, но не являющейся ее разновидностью. Образ божества Туран был распространен во всем Средиземноморье, соответствуя переднеазиатской Иштары и через нее Афродите, но не будучи тождественным им. Только фантазия Н. Я. Марра могла всюду и везде (вплоть до «романов круглого стола») видеть одну и ту же «богиню любви матриархальной Афевразии». Божество любви было, конечно, и в минойском мире до появления в нем восточной по своим корням, но созданной только греками Афродиты, и связывать его с Туран, наверно принесенной этрусками со своей лидийской родины, есть все основания. Вот почему из трех сопоставлений Вл. Георгиева, связанных с Афродитой, мы должны отвергнуть первые два, но можем принять третье. Чисто лингвистический анализ имел, не выходящий за пределы их звуковой формы, не может дать ничего ценного, если он

⁸¹ Раньше сам Вл. Георгиев объяснял название этого города иначе — как сложение ἀνθή «цветы» и δών (ср. иранск. *don*, *dan* «река, вода»). (Vl. Georgiev, «Vorgriechische Sprachwissenschaft», Lief. 2, 1945, стр. 217.)

не будет подкреплён надёжными данными истории культуры. Вл. Георгиев, к сожалению, не всегда идет по этому пути и тем самым снижает значение своих замечательных исследований.³²

Необходимо добавить еще, что и общий тезис (высказанный Вл. Георгиевым с исключительной категоричностью в 1941 г.) о том, что в Греции никогда не было неиндоевропейского по языку населения³³, основан на полном игнорировании историко-археологических данных. Поскольку в рецензируемой книге нигде нет отказа от этого тезиса, этот вопрос нельзя и здесь обойти молчанием. Если «минойский» язык — индоевропейский, то, следовательно, он должен был быть когда-то и кем-то принесен в Грецию, как одно из наиболее ранних «ответвлений» индоевропейского языка-основы. Никаких решительно данных для включения Греции в район формирования самой индоевропейской языковой общности у нас нет. Как бы далеко в глубь времен и как бы далеко на юг и на запад ни захотели мы отнести время и место образования этой языковой общности, мы все равно не можем идти дальше раннего неолита по времени и дальше придунайских стран по территории. Между тем ранний неолит Греции не обнаруживает никаких связей с культурами придунайских областей и Средней Европы, а тяготеет исключительно к восточному Средиземноморью. Связи с придунайскими областями появляются лишь в позднелихитических культурах Фессалии, связанных с культурами Македонии, через которую только и могло появиться новое население в Греции. Допустим, что оно было уже индоевропейским (или «протоиндоевропейским») по языку, хотя доказательств для этого утверждения у нас, конечно, нет. Все равно это новое население должно было «наслониться» на автохтонов и, следовательно, в его языке могли бы быть следы неиндоевропейского субстрата. Этого факта Вл. Георгиеву никогда не удастся опровергнуть.

Попыткой его опровержения является глава 5 работы Вл. Георгиева «Vorgriechische Sprachwissenschaft». В рецензируемой книге он, повидимому, ни от одного из своих положений 1941 г. не отказывается. Между тем опровергались там по существу только концепции немецких националистически настроенных археологов и лингвистов, помещавших «индоевропейскую прародину» в северной Германии, отождествлявших «индоевропейцев» эпохи начального их расселения с носителями культур «шнуровой керамики» и считавших носителей культур «линейно-ленточной керамики» неиндоевропейцами. Эти «теории» действительно не выдерживают научной критики, но из их несостоятельности еще ничего не следует.

Наши критические замечания нисколько не умаляют значения выдающихся исследований Вл. Георгиева. Наука не может развиваться непрерывно по прямой восходящей линии. Любые искания связаны с отдельными ошибками, но именно эти искания и двигают науку вперед. Наличие индоевропейских черт в языке блестяще расшифрованных минойских текстов так же бесспорно, как бесспорны эти черты в лидийском и, в меньшей степени, в лидийском языках. И, хотя Вл. Георгиев делает из этого общие выводы, которые многим (в том числе и нам) кажутся преждевременными, мы обязаны, даже не соглашаясь с ними, пересмотреть в их свете как основные вопросы общиндоевропейского языкознания, так и вопросы, касающиеся древнейшего этапа развития индоевропейских племенных диалектов, из которых во II тысячелетии до н. э. сложился древнегреческий язык.

Б. В. Горнунг

³² Не совсем ясно также, почему со словом *Tūrana* связывается и *tūranos* (стр. 27), когда сам Вл. Георгиев определил это слово как негреческое соответствие греческому (эолийск.) *τάρανος*. Ведь тогда надо дать слову *Tūrana* толкование «властительница» и такое же толкование дать этрусской *Turan*. Но можно ли это обосновать?

³³ Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. 1, 1941, стр. 59.